

Кирилл Николаевич СТРЕЛЬНИКОВ,
ORCID 0009-0009-5333-0808
Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)
адъюнкТ
polyszolotta@yandex.ru

Научный руководитель:
Алексей Александрович КАШКАРОВ,
доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры
уголовного права и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.352:[343.237:328.185]

КОРРУПЦИОННЫЙ СГОВОР: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коррупционный сговор, преступный сговор, коррупционная деятельность, совместная коррупционная деятельность, соучастие в преступлениях коррупционной направленности, материальная выгода, нематериальная выгода, совместность участия, двухсторонняя субъективная связь, институт соучастия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Исследование, результаты которого представлены в статье, было посвящено сущности коррупционного сговора, лежащего в основе совместной коррупционной деятельности. Проанализированы особенности коррупционного сговора, включая обязательное участие специального субъекта преступления, предмет соглашения, связанного с незаконным получением материальной и нематериальной выгоды, а также характер самой выгоды. Подчеркивается значимость сговора для формирования устойчивых коррупционных связей, обеспечивающих координацию действий и единство преступного умысла соучастников. Обосновано введение в научный оборот термина «коррупционный сговор». *Методы.* Для достижения цели исследования применялся диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы сравнительный метод, общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и частнонаучные методы. *Результаты.* Автор приходит к выводу о том, что коррупционный сговор представляет собой не просто соглашение о совместном совершении преступления, а качественно иную, более сложную разновидность преступного сговора. В данном случае сговор является не только юридическим фактом, связывающим участников, но и ключевым элементом, формирующим структуру коррупционных отношений и определяющим особенности их функционирования. Его уникальность проявляется в ряде специфических черт. Коррупционный сговор может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании; может носить неявный, имплицитный характер; может осуществляться в виде прямого или косвенного инструктажа; предметом соглашения выступают действия (или бездействие), направленные на получение заинтересованными сторонами неправомерной выгоды. По итогам исследования автором сформулировано собственное определение понятия «коррупционный сговор».

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время коррупция трансформировалась из локальной социальной «болезни» в глобальную системную угрозу. Она подрывает основы государственности, искажает механизмы управления и создает серьезные препятствия на пути устойчивого и инновационного развития страны.

В условиях геополитической нестабильности и обострения международных проблем способность государства эффективно противостоять коррупции становится ключевым индикатором его «жиз-

неспособности» и стратегической конкурентоспособности. Сегодня в борьбе с ней всё более важную роль играет противодействие ее организованным формам [1, с. 44].

Коррупционный сговор представляет собой наиболее опасную из таких форм. Подобного рода кулуарные соглашения де-факто создают параллельную систему принятия решений, что подвергает государственные институты риску деградации, оборачивается нерациональным использованием бюджетных средств, ущемлением прав граждан. Поэтому изучение коррупционного

Kirill N. STRELNIKOV,

ORCID 0009-0009-5333-0808

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Krasnodar, Russia)

Adjunct

polysszolotta@yandex.ru

Scientific supervisor:

Alexey A. KASHKAROV,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law

and Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the

Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

CORRUPTION CONSPIRACY: CONCEPT, ESSENCE AND SIGNS

KEYWORDS. Corruption conspiracy, criminal conspiracy, corrupt activity, joint corrupt activity, complicity in corruption-related crimes, material benefit, non-material benefit, joint participation, two-party subjective connection, institution of complicity.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in the article, was devoted to the essence of a corrupt conspiracy underlying joint corrupt activity. The features of a corruption conspiracy are analyzed, including the specific composition of subjects with the obligatory participation of a special subject, the specifics of the subject of the agreement related to the illegal receipt of material and non-material benefits, as well as the nature of the benefit itself. The importance of collusion in the formation of stable corrupt ties that ensure the coordination of actions and the unity of criminal intent of accomplices is emphasized. The introduction of the term «corruption conspiracy» into scientific circulation is substantiated. *Methods.* To achieve the goal of the study, a dialectical method of cognition of the surrounding reality was used, presupposing a full and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the comparative method, general scientific (analysis, synthesis, deduction) and specific scientific methods were used. *Results.* The author concludes that a corruption conspiracy is not simply an agreement to jointly commit a crime, but a qualitatively different, more complex type of criminal conspiracy. In this case, the conspiracy acts not only as a legal fact binding the participants, but also as a key element shaping the structure of corruption relations and determining the specifics of their functioning. Its uniqueness is manifested in a number of characteristic features: corruption conspiracy may not result in complicity in a crime in the classical legal sense; it may be implicit; it may be carried out in the form of direct or indirect instructions; the subject of the agreement in a corruption conspiracy is actions (or inactions) aimed at obtaining an illegitimate benefit by the interested parties. Based on the results of the study, the author formulated her own definition of the term «corruption conspiracy».

сговора, его юридической природы, сущностных характеристик и объективных признаков имеет высокую научную и практическую значимость.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, анализ связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы общенаучные и частнонаучные методы: метод сравнения и сравнительно-правовой метод – для понимания юридической природы преступного и коррупционного сговора, выявления их основных сходств и различий; анализ – для изучения коррупционного сговора с целью выделения его структурных элементов и отличительных признаков; синтез и обобщение – для формулирования авторского определения понятия «коррупционный сговор»; формально-юридический метод – для анализа законодательства и нормативно-правовых актов, имеющих отношение к теме исследования, установления внешних признаков правовых явлений, их отличий друг от друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Преступный сговор является имманентным свойством и структурным элементом соучастия

в преступлении. Наличие сговора обеспечивает единство умысла, взаимосвязь и согласованность действий соучастников, а это, в свою очередь, – необходимые условия совместного участия в совершении уголовно наказуемого деяния [2, с. 95-96]. Понятие «сговор» в уголовном законе используется при описании только одной формы соучастия. В ч. 2 ст. 35 УК РФ речь идет о совершении преступления группой лиц по предварительному сговору. Такого рода договоренность возникает до начала непосредственной реализации преступного замысла. Для нее характерны планирование действий, распределение ролей между соучастниками, подготовка средств, необходимых для совершения преступления. В этом случае оно становится результатом тщательно спланированной и скоординированной деятельности. Данное обстоятельство отличает совершение преступления по предварительному сговору от случайного, неорганизованного участия в преступной деятельности нескольких лиц.

Однако, очевидно, что наличие сговора не ограничивается только этой формой соучастия. Он имеет место при совершении преступлений в составе организованных групп, а также при более сложных формах соучастия, когда осуществляется распределение ролей в преступных сообществах

(преступных организациях). Предварительный сговор усиливает общественную опасность преступления, так как обеспечивает единство и координацию действий соучастников, что придает криминальному акту большую организованность и повышает степень его эффективности.

Следует отметить, что совместность осуществления деятельности является основным признаком соучастия в преступлении. И в научной литературе четко обозначено, что эта совместность по своей природе предполагает наличие сговора между соучастниками. Фактически сговор выступает обязательным элементом любой формы соучастия, поскольку обеспечивает согласование действий и единство умысла соучастников [3, с. 70].

Сговор как уголовно-правовое понятие обладает двойственной природой и рассматривается одновременно и как процесс, и как результат взаимодействия. На стадии приготовления к преступлению сговор представляет собой деятельность нескольких лиц, осуществляемую с целью согласования решения о совместном совершении преступления. В данном случае он является процессом. В то же время сговор на этой стадии предусматривает достижение соучастниками договоренности о планируемых действиях и о распределении между ними преступных ролей. То есть теперь он выступает в качестве результата взаимодействия. Так же как и на стадии совершения уголовно наказуемого деяния, когда сговор рассматривается как результат, выражающийся в совместном участии нескольких лиц в преступлении и достижении общей общественно опасной цели.

Сговор, независимо от его формы, будь то устное соглашение, конклюдентные поступки, жесты или иные неявные способы коммуникации, играет ключевую роль в обеспечении согласованности и координации действий соучастников¹. Он является не только юридическим, но и психологическим механизмом, гарантирующим наличие между соучастниками двухсторонней субъективной связи, объединяющим их усилия для достижения общей преступной цели. Сговор формирует единый умысел и обеспечивает взаимное понимание и доверие, необходимые для эффективного совместного совершения преступления. Таким образом, представляется очевидным, что такой сговор выступает ключевым фактором совместной криминальной активности соучастников.

Традиционно признак «совместность участия» в теории уголовного права анализируется с учетом двух основных форм его проявления – объективной и субъективной. Речь о том, что совместность формируется не только в результате объективного факта совершения преступных действий несколькими лицами вместе, но и в силу складывающегося между соучастниками взаимопонимания и сознательного согласования их поступков, что подтверждается наличием общего умысла [4; 5; 6, с. 104; 7, с. 17; 8]. Такой подход позволяет комплексно оценивать конкретные уголовно-правовые ситуации для установления наличия или от-

сутствия совместности в действиях субъектов преступления.

Обращая более пристальное внимание на коррупционные преступления, совершаемые общими усилиями нескольких лиц, необходимо отметить, что в их основе лежит сговор о совместном совершении преступного деяния. Большинству коррупционных практик свойственна совместность действий группы лиц с распределением ролей между ними в рамках соучастия. Такое распределение позволяет сформировать четкую структуру преступной деятельности, в которой каждый отвечает за тот или иной конкретный ее этап или какую-то операцию – от организации условий для заключения коррупционных сделок до обеспечения их прикрытия и финансового вознаграждения. Структурированность преступной активности коррупционных групп, достигнутая в результате сговора, способствует упорядоченности и слаженности их действий, что значительно повышает устойчивость таких групп и снижает риск их разоблачения [9, с. 216-217].

А.А. Кваша подчеркивает, что предоставление и получение неправомерной выгоды представляют собой «классические» проявления коррупционного сговора в контексте необходимого соучастия. Когда речь идет о получении неправомерной выгоды одним лицом от другого, такие действия возможны исключительно при наличии сговора и двусторонней субъективной связи между его участниками [10]. Стороны тайно договариваются и согласовывают свои действия, что и формирует основу коррупционного сговора как устойчивого взаимодействия. Таким образом, сговор является неотъемлемым элементом коррупционной сделки, связывающим ее участников: он обеспечивает согласованность их действий, объединяет их усилия для достижения общей противоправной цели.

В контексте противодействия коррупции сговор рассматривается как умышленное создание условий для совершения преступлений коррупционной направленности. В п. 13.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» говорится, что «обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений ... в случае достижения договоренности».

Необходимо отметить, что природа коррупционных отношений обладает спецификой, в основе которой лежит коррупционное взаимодействие. Оно является главным элементом содержания коррупции, рассматриваемой в качестве политико-правового феномена. Данный вид взаимодействия сформировался давно, устойчиво закрепился в государственно-правовом опыте и стал неотъемлемой частью юридико-политической реальности, будучи отражением конфликта личных интересов должностных лиц властных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

структур с интересами общества (экономическими, социальными и др.).

В современных исследованиях коррупционное взаимодействие чаще всего рассматривается в институционально-властном контексте, при этом внимание сосредоточивается на злоупотреблении властью в корыстных целях. Осмысление коррупции зачастую сводится к анализу фактов взяточничества и злоупотребления служебным положением, что значительно сужает восприятие многообразия ее незаконных практик и связанной с ними социальной динамики. Данный подход носит ограниченный характер, ведь коррупция представляет собой прежде всего отношения социально-политического, властно-правового и экономического порядка. Вместе с тем следует иметь в виду, что коррупция – это феномен, который развивается, трансформируется и полноценно проявляется исключительно в рамках социальных взаимоотношений [11, с. 653].

В отличие от «индивидуальных» преступлений коррупционной направленности (предусмотренных, например, ст.ст. 285, 286 УК РФ, и других, совершаемых с использованием служебного положения) коррупционный сговор представляет собой сложную и устойчивую систему взаимосвязей, объединяющих нескольких их участников в единую структуру. Это не просто случайное совпадение интересов, а осознанное и продолжительное взаимодействие, целью которого является достижение общих незаконных выгод посредством осуществления совместных действий. Именно поэтому такой сговор выступает фундаментом для формирования устойчивых коррупционных связей, обеспечивающих системный характер преступной деятельности. В связи с этим коррупционный сговор следует понимать как разновидность преступного сговора, имеющую уникальную специфику и особую глубину проявления наносимого с его помощью вреда.

Во-первых, коррупционный сговор отличается тем, что он может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании (ст. 32 УК РФ). Например, дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) закреплены законодателем как самостоятельные составы преступлений. Взяткодатель и взяткополучатель, вступая в коррупционный сговор, совершают согласованные действия, направленные на достижение преступной цели. Однако с точки зрения уголовного права эти их действия не образуют соучастия в преступлении. В случае такого сговора речь, безусловно, идет и о совместной коррупционной деятельности, основанной на предварительной договоренности, и о совместности участия, и о согласованности действий. Но при этом дача и получение взятки квалифицируются как самостоятельные преступления с разными субъектами и разными уголовно-правовыми последствиями.

Говоря о посредничестве во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), необходимо иметь в виду, что с точки зрения уголовного закона посредник не является соучастником ни в даче, ни в получении

взятки. Это обусловлено тем, что он не выступает в роли исполнителя основного состава ни одного из данных преступлений. Посредник оказывает содействие в процессе их совершения. Он может способствовать достижению взяткодателя и (или) взяткополучателя цели либо реализации соглашения о получении или передаче предмета взятки. Очевидно, что его действия направлены на выполнение договоренностей, достигнутых сторонами сговора. И это, несомненно, укладывается в рамки совместной коррупционной деятельности. Однако деяние посредника требует самостоятельной уголовно-правовой квалификации.

Во-вторых, в некоторых случаях коррупционный сговор принимает специфические формы. Он может:

1) носить неявный, имплицитный характер, будучи основанным на взаимопонимании его участников и общности их коррупционных интересов. Сговор такого вида отличается тем, что одни его участники могут не обладать полной информацией обо всех деталях противоправной деятельности других, но при этом их действия всё равно остаются взаимосогласованными и направленными на достижение общей коррупционной цели – получение неправомерной выгоды;

2) существовать в виде прямого или косвенного «инструктажа», который выполняет функцию приобщения к коррупционной субкультуре. В таких ситуациях участнику сговора в прямой или завуалированной форме разъясняются неписанные «правила игры», языковые коды и эвфемизмы, принятые в коллективе.

В-третьих, при коррупционном сговоре направленность умысла его сторон может различаться по природе и содержанию, несмотря на то, что при соучастии, как правило, умысел всех соучастников одинаков и направлен на достижение общего для них преступного результата. Например, при взяточничестве умысел сторон оказывается разнонаправленным. Это отражает различия в мотивации и целях вступления в коррупционные отношения. Одна сторона сговора (взяткополучатель) стремится извлечь незаконную выгоду имущественного или неимущественного характера. Другая сторона (взяткодатель) заинтересована в достижении определенного результата: выполнение (или невыполнение) тех или иных действий, принятие управленческого решения, выдача разрешения в обход действующих процедур и т.д. Впрочем, несмотря на это, ключевым фактором вступления обеих сторон в коррупционные отношения является корыстная мотивация, стремление к личной выгоде.

В-четвертых, для сговора рассматриваемого нами вида характерно наличие предварительного соглашения между двумя или более лицами о совместном совершении коррупционных действий. Оно достигается на стадии приготовления к преступлению, до начала его фактического совершения. Такой сговор не возникает в процессе непосредственного осуществления противоправных действий или после совершения преступления, то есть постфактум. Напротив, он представляет собой заранее достигнутое, осознанное и тайное

соглашение заинтересованных лиц, направленное на координацию их совместных усилий для достижения преступной цели [12, с. 379]. Именно на стадии сговора, предваряющего преступление, происходит распределение ролей, формирование единого умысла и установление субъективной связи между его участниками.

В-пятых, коррупционный сговор предполагает связь преступного деяния со служебным положением субъекта. Достижение цели сговора в данном случае невозможно без нарушения должностным лицом правомерного порядка исполнения его прямых обязанностей или реализации предоставленных ему функциональных возможностей.

В-шестых, коррупционный сговор имеет особый субъектный состав. Его обязательным участником является должностное лицо органов публичной власти или муниципальный служащий (примечание к ст. 285 УК РФ) либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ).

В-седьмых, предметом соглашения при коррупционном сговоре выступают действия или бездействие, направленные на получение неправомерной выгоды посредством противоправного использования специальным субъектом своего служебного положения, властных полномочий или авторитета занимаемой им должности вопреки интересам службы или организации [13, 14].

В-восьмых, специфична выгода, получаемая от коррупционного сговора. Она представляет собой неправомерное получение материальных или нематериальных благ. Выгодой, представленной в нематериальной форме, могут быть такие преимущества, как продвижение по службе, доступ к закрытой информации, возможность заключения выгодных контрактов, принятие выгодных управленческих решений, услуги, способствующие повышению социального статуса или укреплению власти заинтересованных лиц [15; 16, с. 73-74; 17, с. 237].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, считаем необходимым отметить, что сговор является ключевым понятием для постижения правовой природы как совместной коррупционной деятельности, так и групповой и организованной преступности, поскольку именно посредством сговора формируется единый умысел и обеспечивается согласованность действий соучастников. В связи с тем, что подавляющее большинство коррупционных преступлений, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, совершается путем сговора двух или более лиц, коррупцию как социально-правовой феномен целесообразно рассматривать, опираясь на институт соучастия в преступлении. Такой подход обусловлен тем, что сама природа коррупционных преступлений предполагает согласованное взаимодействие нескольких лиц, объединенных общей целью получения неправомерной выгоды. При этом сговор выступает не только юридическим фактом, связывающим его участников, но и ключевым элементом структуры коррупционных отношений, предопределяющим особенности их функционирования.

По результатам исследования нами было сформулировано определение понятия «коррупционный сговор». *Это специфическая форма преступного взаимодействия, характеризуемая тайным, предварительным и умышленным соглашением между двумя или более лицами, одним из которых выступает должностное лицо органов публичной власти или муниципальный служащий либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, о совместном совершении одного или нескольких преступлений коррупционной направленности с целью получения незаконной выгоды материального и нематериального характера путем незаконного использования специальным субъектом своих должностных полномочий, служебного статуса или влияния вопреки интересам организации или службы.* ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Анतिकоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 44-49.
2. Благов Е.В. О сговоре в уголовном праве // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 95-100.
3. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 198 с.
4. Шеслер А.В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 342-354.
5. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59-65.
6. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с.
7. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. 98 с.
8. Кухтина Т.В. К вопросу о признаках соучастия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 40 (173). С. 58-61.
9. Кособродов В.М., Труфанова Е.Г. Коррупционный сговор как проявление необходимого соучастия // Закон и право. 2024. № 10. С. 215-220.
10. Кваша А.А. Коррупция как составляющая организованной преступности // Вестник Национальной академии прокуратуры Украины. 2017. № 4/2 (52). С. 53-58.
11. Абезин Д.А., Алексеева А.П. Законодательные запреты как одно из направлений противодействия коррупции среди государственных гражданских служащих в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 652-660.
12. Труфанова Е.Г. Квалификация состава соучастия в коррупционных преступлениях // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 378-382.

13. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за должностные преступления. М., 1989.
14. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: Монография. М., 2015.
15. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35-40.
16. Усенко А.С., Сейтягьяева Д.А. Актуальные проблемы квалификации взяточничества, предметом которого являются нематериальные блага // Вестник экономики и права. 2024. № 98. С. 70-78.
17. Петрашева Н.В., Вакуленко Н.А. Совершенствование уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с коррупцией // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 236-239.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Antikorrupsionnaya politika gosudarstva: dostoinstva i nedostatki // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. 2016. № 1 (13). S. 44-49.
2. Blagov Ye.V. O sgovore v ugovolnom prave // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 4. S. 95-100.
3. Galiakbarov R.R. Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii. Krasnodar, 2000. 198 s.
4. Shesler A.V. Soderzhaniye sovmestnosti pri souchastii v prestuplenii // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2022. № 3. S. 342-354.
5. Shesler A.V., Shesler S.S. Sovmestnost' sovershayemogo prestupleniya kak priznak souchastiya // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (21). S. 59-65.
6. Tel'nov P.F. Otvetstvennost' za souchastiye v prestuplenii. M., 1974. 208 s.
7. Shneyder M.A. Souchastiye v prestuplenii po sovetскому ugovolnomu pravu. M., 1958. 98 s.
8. Kukhtina T.V. K voprosu o priznakakh souchastiya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2009. № 40 (173). S. 58-61.
9. Kosobrodov V.M., Trufanova Ye.G. Korruptsionnyy sgovor kak proyavleniye neobkhodimogo souchastiya // Zakon i pravo. 2024. № 10. S. 215-220.
10. Kvasha A.A. Korruptsiya kak sostavlyayushchaya organizovannoy prestupnosti // Vestnik Natsional'noy akademii prokuratury Ukrainy. 2017. № 4/2 (52). C. 53-58.
11. Abezin D.A., Alekseyeva A.P. Zakonodatel'nyye zaprety kak odno iz napravleniy protivodeystviya korruptsii sredi gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v Rossii // Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9. № 4. S. 652-660.
12. Trufanova Ye.G. Kvalifikatsiya sostava souchastiya v korruptsionnykh prestupleniyakh // Yuridicheskaya nauka. 2025. № 6. S. 378-382.
13. Gaukman L.D., Maksimov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za dolzhnostnyye prestupleniya. M., 1989.
14. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: teoreticheskij i prikladnoy analiz: Monografiya. M., 2015.
15. Lopashenko N.A. Protivodeystviye rossiyskoy korruptsii: obosnovannost' i dostatochnost' ugovolno-pravovykh mer // Sledovatel'. 2009. № 6. S. 35-40.
16. Usenko A.S., Seytyag'yayeva D.A. Aktual'nyye problemy kvalifikatsii vzyatochnichestva, predmetom kotorogo yavlyayutsya nematerial'nyye blaga // Vestnik ekonomiki i prava. 2024. № 98. S. 70-78.
17. Petrasheva N.V., Vakulenko N.A. Sovershenstvovaniye ugovolno-pravovykh mer, napravlennykh na bor'bu s korruptsiyey // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2017. № 6. S. 236-239.

© Стрельников К.Н., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стрельников К.Н. Коррупционный сговор: понятие, сущность и признаки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 41-46.